

Продолжение главной темы

**ВЕРИКО АНДЖАПАРИДЗЕ В СПЕКТАКЛЕ ТЕАТРА
ИМ. МАРДЖАНИШВИЛИ «ИЗМЕНА»**

Выдающийся русский режиссер и театральный деятель В. И. Немирович - Данченко как-то в беседе с А. И. Сумбаташвили-Южиным сказал о том, что его поразило применение евангельского изречения о зерне, которое не даст колоса, если само не умрет, к делу творчества. Он думал так потому, что понял, что «при создании каждой роли авторский вымысел должен умереть, раствориться в душе артиста и воскреснуть из него в виде нового растения».

Зерно образа, брошенное автором пьесы «Измена» А. И. Сумбаташвили в душу такого большого художника, как В. Анджапаридзе, дало великодушные по красоте и богатству всходы.

Несмотря на то, что сценический образ Зейнаб в грузинском театре имеет богатые традиции и, казалось бы, все уже «найдено» и «открыто» в нем такими большими художниками, какими были Ефемия Мехи, Нуца Чхеидзе и другие, В. Анджапаридзе нашла свой путь раскрытия этого образа. В спектакле театра имени Маджанишвили, решенном Г. Лордкипанидзе и Ю. Какули по-своему, без романтической приподнятости, пафоса, которые сопутствовали другим по-

становкам, В. Анджапаридзе, растворяясь в авторском замысле, встала в роль нечто новое, индивидуальное, анджпаридзевское, что сделало этот образ отличным от других — более простым и вместе с тем более масштабным.

Через все свое творчество пронесла В. Анджапаридзе тему страдающей и непокоренной женщины, ее героини гибнут в борьбе за становление своей личности, страстно защищают свое право на любовь, на материнство, верны своему человеческому и гражданскому долгу.

В роли Зейнаб В. Анджапаридзе продолжила эту тему. Она предстает как истинная патриотка, и хотя мы не видим ее страданий в течение долгих лет рабства, актриса прекрасно передает в монологах эту «биографию» своей героини, тот путь через отчаяние и безнадежность к полной уверенности и самообладанию, которые она обрела, наметив основную целью своей жизни борьбу против тиранов, поработивших ее народ, растоптавших ее родину, а вместе с тем и ее человеческое и женское достоинство.

Пьеса начинается с того мо-

мента, когда уже все созрело, вырос Эрекле, сын Зейнаб-Тамар, мститель и вдохновитель борьбы против иноземных захватчиков. И с первой же сцены актриса заявляет о своем решении образа. В сценах с Солейман-ханом (Я. Трипольский) она не «ползает и извивается» у его ног, долгие муки рабства научили ее осторожности, чересчур грубую лесть слишком быстро бы разгадал хитрый владыка. Зейнаб — Анджапаридзе и в этих сценах полна достоинства. Всем существом стремится она убедить врага, усыпить его бдительность и выиграть необходимое время. В этих сценах видна не хитрость, а скорее, большой ум и тонкий расчет, упорство непокоренного борца.

Актриса отвергла заложенный в роли религиозный фанатизм, мистический экстаз, все ее внимание сосредоточено на перживаниях женщины-патриотки и матери, в ней нет той «смеси величия» матери и покорности женщины, о которой писал сам автор пьесы. Анджапаридзе играет неукротимую, сильную личность. Ее хрупкость, мягкость скрывают стальную волю, целеустремленность.

Образ развивается крещендо.

Вот Зейнаб в доме у ренегата Отарбека, (его играет А. Хорав), она холодна и насмешлива, непреклонна, подозрительна и осторожна, но, увидев вместе с верным ей Аняния сына, она вся напрягается. Внутренним материнским чутьем Зейнаб давно узнала Эрекле, глаза ее ласкают его лицо и только формально и глухо звучит ее вопрос: «который?». И в этом коротеньком слове целый ад страданий и целый рай материнского счастья...

Лепка роли становится сложнее — в сцене с Отарбеком Зейнаб сбрасывает с себя личину, в неудержимом порыве открывает свои замыслы старому полководцу и так страстно, так трагично звучит ее голос, столько в нем убежденности и веры, так непреклонна каждая черта внезапно побледневшего лица, что нам понятно перерождение Отарбека, его благоговейное, покаянное колелопреклонение. Здесь актриса достигает подлинной кульминации. Казалось бы, нет уже красок, нет эмоций для того, чтобы открыть еще что-то в этом образе, но мы поднимаемся все выше — Зейнаб узнает об измене сына. Вся окаменевшая слушает она речь спровоцированного Рукайей (Е. Кипшидзе) сына. Нет, не страх отобража-

ется на застывших в муке чертах ее лица, оно полно отчаяния от сознания, что все погибло, что напрасны все ее жертвы, напрасны делеемые годами надежды, холод и мрак окутывают ее душу. В эту минуту она думает не о собственной гибели, она ужасается тому, что сын, ее сын, оказался предателем, что он «бросил отчину в беспросветную ночь». Зейнаб — В. Анджапаридзе убита, обесилена, посылает сына умереть с теми, кого убила измена. Раздается взрыв, рушится Метехский замок, и свет появляется на потемневшем от горя лице Зейнаб. Родина спасена! Свобода! И перед этим торжеством в сторону отходит позор сына и скорбь матери и все ее мучительное прошлое. Актриса с поистине непобедимой силой переходит от глубочайшего отчаяния к вершинам счастья, вкладывает в эту сцену всю силу души, потрясает «радостью страдания».

Пройдут годы, и образ Зейнаб, венчавший творчество многих выдающихся грузинских актрис, навсегда войдет в галерею лучших творений В. Анджапаридзе. Образ грузинки-матери, патриотки займет достойное место рядом с такими шедеврами ее актерского искусства, как Юлифа, Офелия, Маргарита, Мария, Клеопатра, Бабушка и многие, многие другие.

Надежда ШАЛУТАШВИЛИ.